

Суй Инь была воспитанницей «Цзяофан-лоу». С малых лет матушка не жалела сил на её образование: девочка постигала изящные искусства, училась игре на цине и каллиграфии, живя в достатке и неге, словно барышня из знатного рода. В «Цзяофан-лоу» девицы не торговали телом, отчего жители города Юйлин почитали их гордячками.

Но кто знал правду? «Цзяофан-лоу» изначально был лишь чайным домом, и лишь злые языки со временем превратили его в злачное место.

Суй Инь везло в жизни — быть может, слишком везло, и небеса, устав на это смотреть, послали ей встречу с Чжан Ланом. Этот человек был красноречив и искусен в оболщении; он без труда похитил её сердце. Девушка дорожила своей честью и не спешила отдаваться возлюбленному, надеясь, что их союз скрепит законный брак.

В конце концов, она считала себя девушкой из приличной семьи. Матушка всегда повторяла: «Что бы ни болтали люди, вы — достойные дочери, а чужие пересуды — лишь пустой звук».

Однако Чжан Лан, не получив желаемого, быстро охладел. Его взор обратился на других девиц, в чьих объятиях он предавался утехам. Суй Инь мучилась сомнениями: она готова была уступить, но внутренняя преграда не давала ей переступить через себя. Она не могла понять, любит ли её Чжан Лан или видит в ней лишь очередную продажную девку. Эти мысли терзали её днём и ночью, лишая сна и сил. Красота её увядала, в сердце поселилось отчаяние. Услышав о «Яньчжи-лоу», где, по слухам, можно было получить ответ на любой вопрос, она отправилась туда. Но хозяин лавки предложил ей не то, на что она надеялась.

Лун Юй молча выслушал её исповедь. Налив себе чашку чая, он слегка подул на воду; полупрозрачная дымка поднялась вверх, скрывая его лицо. Суй Инь смотрела на него, и ей казалось, будто она сама растворяется в этом тумане.

— Ты хочешь убить его? Или мечтаешь, чтобы он раскаялся и вернулся? — негромко спросил Лун Юй.

Девушка замялась. Чего она хотела на самом деле? Смерти предателя? Его любви? Нет, всё было не так.

— Или же, — Лун Юй едва заметно улыбнулся, и он, казалось, пронзил её насквозь своим взглядом, обнажая сокровенные мысли, — ты хочешь, чтобы он горько пожалел о содеянном?

Эти слова отозвались в её сознании подобно удару колокола. Пожалел! Вот оно.

— Я хочу, чтобы он раскаялся, — произнесла она. Голос её звучал на удивление спокойно, почти безжизненно.

— Это возможно, — Лун Юй прищурился. — Но что ты отдашь взамен?

— Всё, что имею, — она прямо встретила его взгляд, но увидела в нём лишь насмешку. Суй Инь не понимала, что тут смешного.

— Всё? — Лун Юй криво усмехнулся. — Что ж, я знаю, что мне нужно.

— Чт... — она не успела договорить.

Глаза хозяина лавки внезапно налились глубоким, тяжёлым пурпуром, став похожими на грозное небо. Эта давящая аура лишила её дыхания. Суй Инь покачнулась и рухнула на пол, задев рукавом чашку.

Чай расплескался, наполняя комнату странным, дурманящим ароматом. Последнее, что она видела сквозь пелену, застилавшую взор — это прищуренный взгляд Лун Юя. Он что-то шептал, но она уже не слышала ни звука. Веки налились свинцом, и мир погрузился во тьму.

Цзяофан-лоу. Павильон Иньси

Матушка Суй в ярости металась по комнате, так что её расшитые подвески-буоя путались в волосах. Она не шла — летела, не переставая осыпать проклятиями незримого врага.

— Ах ты, негодная девчонка! Ну как можно быть такой упрямой? Кто такой этот Чжан Лан, чтобы из-за него губить себя? Обычный сынок торговца! Доченька, ты же у меня красавица, искусница! Только скажи — и я найду тебе лучшую партию! К чему так убиваться из-за этого ничтожества? Если с тобой что случится, как мне дальше жить? С каким лицом я предстану на том свете перед твоей покойной матерью? Ну какая же ты глупенькая... — Матушка Суй осеклась и, закрыв лицо руками, горько зарыдала.

На постели лежала бледная, как мел, Суй Инь. На её тонкой шее багровел след от петли. Вокруг теснились её названные сёстры, утирая слёзы. Если бы не служанка, зашедшая в покои вовремя, Суй Инь уже блуждала бы среди теней у Жёлтых источников. Девушки не могли взять в толк: как их рассудительная сестра решилась на такое? Неужели этот Чжан Лан стоил её жизни?

— Нет! Этого нельзя так оставлять! — Хай Янь, чьё алое платье лишь подчёркивало её вспыльчивый нрав, резко поднялась. — Этот подлец довёл сестру до края! Ему это даром не сойдёт!

— Сестрица Хай Янь, скажи, что нам делать? — Хуан Хуа с надеждой посмотрела на неё, размазывая слёзы по щекам.

— Идём в суд! — отрезала Хай Янь, стиснув зубы.

— Но что мы скажем судье? — засомневалась Моли.

— Это... — Хай Янь замялась.

— Обман и похищение моей дочери! — подала голос матушка Суй. Девушки согласно закивали. Юйлань обвела их решительным взглядом: — Ин Хун, Жуй Сян, оставайтесь здесь, приглядывайте за Инь-эр. Хай Янь, Хуан Хуа, Моли — за мной! Сегодня я растопчу свою гордость, но вытрясу из этого мерзавца правду!

— Да, матушка! Мы добьёмся справедливости для сестры!

Матушка Суй во главе процессии из трёх красавиц и дюжины служанок величественно направилась к ямыню. Грозный вид женщин мгновенно привлёк внимание прохожих.

— Что это творится?

— Гляди, это же Матушка Суй из «Цзяофан-лоу»!

— Куда это они так спешат, да ещё с таким видом?

— Слыхали? Говорят, красавица Суй Инь влюбилась в какого-то щеголя, а тот её обманул. Бедняжка с горя руки на себя наложила.

— Похоже, матушка Суй решила судиться!

— Ещё бы! Она в Суй Инь души не чаяла, берегла как зеницу ока. А теперь такую жемчужину сгубили...

Люди, почуяв интересное зрелище, потянулись следом за ними к зданию суда.

Оказавшись перед воротами, матушка Суй решительно закатала рукава, схватила колотушку и принялась бить в барабан — гулкий рокот возвестил о великой обиде. Пока она колотила, три девушки и служанки в один голос закричали:

— Несправедливость! Господин судья, защитите нашу сестру!

Голоса девиц, привыкших петь в тереме, звучали столь жалобно и слаженно, что переполошили не только зевак на улице. Даже уездный судья, который в это время мирно чаёвничал в задних покоях с Цзун-цинваном и его сыном, вздрогнул от неожиданности.

— Что за шум? — нахмурился князь.

— Сейчас выясню, Ваше Высочество, — судья, не смея перечить, позвал стражника и вскоре узнал, что матушка Суй привела своих подопечных искать правды.

— Князь, я... — судья замялся, не зная, как поступить в присутствии столь высокого гостя.

— Никогда не видел, как ведут допросы, — вдруг проявил интерес Цзун-цинъван. — А-Ю, пойдём, слушаем.

— Как прикажете, отец, — Ю-щицзы кивнул. Он редко видел родителя в столь благодушном расположении духа.

— Тогда я... — судья украдкой вытер пот со лба.

— Занимайся своим делом, мы слушаем за ширмой, — распорядился князь.

В зале суда судья с размаху ударил молотком по столу, сурово глядя на толпу коленопреклонённых женщин.

— Кто здесь истец?

— Я, — отозвалась матушка Суй.

— На кого жалуешься?

— На Чжан Лана, старшего сына господина Чжан Шэня!

— В чём его вина?

— В том, что он обманом и коварством погубил мою дочь!

— Стража! Доставить Чжан Лана в суд!

Пока стражники ушли за обвиняемым, Цзун-цинъван и его сын прислушивались к голосам за ширмой. Ю-щицзы нахмурился:

— Отец, голос этой женщины кажется мне знакомым.

— И мне тоже, — князь пытался воскресить в памяти забытый образ, но никак не мог вспомнить, где его слышал.

Вскоре привели Чжан Лана.

Судья вновь ударил молотком:

— Чжан Лан, сия женщина обвиняет тебя в обмане её дочери. Что скажешь в своё оправдание?

— Господин судья, не верьте этой лжи! — воскликнул Чжан Лан. — Её дочь — девка из весёлого дома, она сама ко мне липла! О каком обмане может идти речь?

Услышав это, матушка Суй вспыхнула от ярости и, ткнув пальцем в сторону юноши, закричала:

— Врёшь, подлец! Моя Инь-эр — чистейшей души дитя! Как ты смеешь так чернить её имя!

— Матушка заправляет борделем, о какой чистоте тут толковать? — презрительно фыркнул Чжан Лан.

— Ах ты!.. — Матушка Суй задохнулась от гнева, её рука, указывающая на обидчика, мелко задрожала.

— Я могу доказать правду! — Хай Янь проползла на коленях вперёд. — Все девушки в нашем тереме хранят целомудрие. Если господин судья не верит, пусть пришлёт повитуху для осмотра! И вообще, наше заведение — чайная, а не притон! Прошу справедливости!

— Истинная правда, господин! — Моли ударилась лбом об пол. — Все в городе знают, что в «Цзяофан-лоу» приходят слушать музыку и пить чай. Матушка никогда нас не принуждала, она растила нас как родных дочерей!

— Господин судья! — добавила Хуан Хуа. — Мы все обязаны матушке жизнью, а Инь-эр она воспитала сама. Теперь бедняжка между жизнью и смертью, а этот негодяй смеет плевать ей в лицо! Молим о правосудии!

— Надо же, Матушка Суй, оказывается, святая! — издевательски рассмеялся Чжан Лан.

Вдруг в задних покоях послышался звон разбитого фарфора. Цзун-цинван стремительно выбежал в зал и схватил матушку Суй за плечи.

— Ты — Суй Юйланы!

Женщина замерла на мгновение, взглядываясь в лицо князя, и вдруг разрыдалась, припав к его ногам:

— Хозяин! Это вы! Наш господин!

— Где госпожа? Где моя жена?! — нетерпеливо воскликнул князь.

— Госпожа скончалась! — запричитала Юйлань сквозь слёзы. — Её трижды ударили ножом, а потом она упала в воду... не выжила бедняжка!

— О горе мне! — князь пошатнулся, но тут же спохватился: — А девочка? Наша крошка Нань-нань? Она жива? Где она?!

— Госпожа... — Юйлань заскрежетала зубами и с ненавистью указала на Чжан Лана: — Вот он! Это он довёл нашу маленькую госпожу до петли!

Чжан Лан застыл, не понимая, что происходит. Впрочем, как и все присутствующие. Тишину разорвал звук хлёткой пощёчины — Ю-шицзы со всей силы ударил его по лицу.

— Если с моей сестрой что-то случится, я сотру весь твой род с лица земли!

В павильоне Иньси Суй Инь, пролежавшая в беспомощности три дня и три ночи, наконец открыла глаза.

— Очнулась! Слава небу, очнулась! — Юйлань залилась слезами облегчения. Цзун-цинван и Ю-шицзы, затаив дыхание, смотрели на девушку. Она покинула дом, когда ей не было и трёх лет; прошло больше десятилетия, и они не знали, узнает ли она их.

Суй Инь повернула голову к матушке и слабо нахмурилась:

— Матушка, почему ты плачешь?

— От страха за тебя, непутевая, — Юйлань утерла слёзы.

— Не плачь, — Суй Инь едва заметно улыбнулась. — Матушка, мне приснился дом... и мама... Там росло огромное дерево, а брат упал с него и сломал руку. Мама плакала несколько дней, а отец хотел его наказать. Тогда я обняла папу за ноги и сказала: «Папенька...»

— «У брата и так рука болит, не наказывай его. Нань-нань готова месяц не есть сладостей, только не бей его», — Ю-шицзы не выдержал, и слёзы брызнули из его глаз. — Крошка Нань-нань, это я — твой брат.

Она посмотрела на него с удивлением:

— Брат, оказывается, ты стал таким взрослым, когда вырос.

— Нань-нань, я твой отец, ты помнишь меня? — Цзун-цинван смотрел на неё, и у него не оставалось сомнений: черты лица девушки точь-в-точь повторяли облик его покойной жены.

— Папенька состарился, — тихо заметила она.

— Это потому что наша Нань-нань стала большой, — сквозь слёзы улыбнулся князь.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату влетел Чжан Лан. Он рухнул на колени перед кроватью, захлёбываясь рыданиями:

— Инь-эр, Инь-эр, это я виноват! Прости меня, умоляю!

Если бы он только знал, что Суй Инь — та самая потерянная дочь князя, он никогда бы так с ней не поступил.

— Ты... — она нахмурилась, глядя на него. Прежде чем её родные успели вышвырнуть его вон, Суй Инь спросила: — Кто ты такой? Я тебя не знаю.

Чжан Лан замер. Он хотел крикнуть, чтобы она перестала притворяться, но, встретившись с её чистым, абсолютно равнодушным взглядом, понял: она действительно его не помнит.

Суй Инь забыла его. Нет, вернее будет сказать — он просто исчез из её жизни.

У неё не осталось ни единого воспоминания о нём. Ни одного клочка того кошмара, в который он её вверг.

Янь Ели смотрела на нить в своих руках, которая внезапно истлела и исчезла. В её глазах сгустился мрак.

«Кто посмел уничтожить мой кошмар?!»

А в «Суи-часы» Лун Юй, прислонившись к окну, вертел в пальцах гладкий камень из зелёного нефрита. На его губах играла ослепительная и зловещая улыбка.

Представление только начинается.

<http://bllate.org/book/17533/1700513>